

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧУДАКА

Вандал, варвар, гунн! Но в отличие от них на тебе лежит печать цивилизации нескольких столетий! Может быть, ты считаешь, это не имеет значения? Посмотрим, посмотрим...

*Из высказывания тети Оли
в мой адрес*

ТЕТРАДЬ С ФОТОГРАФИЯМИ

Эта история началась с того, что отец, уезжая в командировку, поручил мне купить подарок маме ко дню рождения. Он оставил целых десять рублей, но, прежде чем удалиться, все же спросил:

— Надеюсь, ты меня не подведешь?

Я, конечно, успокоил его самым решительным образом.

Если бы с нами рядом была тетя Оля, то она обязательно сказала бы под руку: «Неисправим дух хвастуна!»

Это я-то хвастун?! Посмотрим, посмотрим...

Да! Вы же не знаете тети Оли. Это наша родственница и домашняя прорицательница. Она учительница литературы в отставке, ей уже за шестьдесят. Между прочим, большая благодетельница: усту-

пила мне свою комнату, а сама переехала к сестре на другой конец Москвы. Получается, что она ничего, не тычет в нос своей добротой, как другие. Ну, отдала комнату и отдала, и не напоминает. Но зануда! У-у-у, зануда номер один.

Она воспитывала меня с пеленок: говорят, запрещала писаться и плакать. И вроде бы ей удалось кое-чего добиться, но я думаю, это легенда, которую она распространяла сама. Не верится, чтобы я с моим характером поддался ей. Ни за что!

В общем, она умоталась, и слава богу, потому что я не люблю, когда меня постоянно воспитывают. Иногда даже хочется сделать что-нибудь хорошее, но специально отказываешь себе в этом, чтобы не подумали, будто я поддался воспитанию. Хотя тетя Оля это делает хитро и незаметно.

Но меня не проведешь. У меня глаз наметанный. Я давно усвоил: главное в жизни — не поддаваться, а то погибнет всякая индивидуальность. А ее надо беречь.

Я, например, принципиально не собираю марки, потому что в нашем классе их собирают все; плохо учусь, потому что у нас все учатся хорошо. Как-то я сострил на истории, что урок выучил,

но отвечать не буду. Правда, за это меня выгнали из класса и вlepили единицу, а отец обозвал балбесом и кричал, что я значение слова «индивидуальность» понимаю шиворот-навыворот.

Хе-хе-хе, если бы тетя Оля услышала словечко «умоталась»! Вот бы подняла шум: «Что ты делаешь с великим русским языком? Это же святыня святынь! На нем разговаривал сам Пушкин!»

Но оставим тетю Олю в покое.

Так вот, заметьте, уже на следующий день после отъезда отца я собрался идти за подарком. Я не люблю откладывать важные дела в долгий ящик.

Только я вышел на улицу, как встретил своего лучшего друга Сашку Смолина.

— Ты куда? — спросил Сашка.

— Никуда, — ответил я. — А ты?

— И я никуда, — сказал Сашка.

— А у меня, — сказал я, — есть десять рублей, — вытащил папину десятку и похрустел перед Сашкиным носом.

— Подумаешь! — сказал Сашка.

— Да это же мои собственные! — возмутился я.

— Ври, да не завирайся. Вот чем докажешь, чем?

Мне надо было остановиться и ничем не доказывать, но хотелось добить Сашку, и я небрежно сказал:

— Пошли в кино.

И разменял папину десятку.

А через несколько дней раздался междугородный телефонный звонок. Конечно, это звонил отец. Он беспокойный тип: стоит ему уехать, как тут же начинает названивать чуть ли не каждый день. Когда он узнал, что мамы нет дома, то стал спрашивать про подарок. Я сказал, что уже кое-куда ходил и кое-что видел.

— А куда? — дотошно спросил он.

Я ответил:

— Естественно, в магазин.

— А в какой?

— «Всё для женщин».

— Что-то я такого магазина не знаю, — сказал недоверчиво отец. — А ты, часом, не врешь?

— Я? Ты что?!

А мне понравилось название «Всё для женщин». По-моему, прекрасное. А он так грубо: «Ты не врешь?» Недаром тетя Оля говорила про него, что недоверчивость мешает ему наслаждаться жизнью.

— А где он находится? — продолжал он допрос.

— На улице Веснина. Как свернешь, сразу по левую руку.

— Там всю жизнь была керосиновая лавка! — завопил папа.

— Ее снесли, — храбро ответил я. — И выстроили новый магазин.

Ну а дальше в том же духе. Рассказал ему, как этот магазин выглядит и что там продают, а цены, цены, — куда там с нашей десяткой! Тут мой папаша почему-то тяжело вздохнул и повесил трубку.

А жаль! Я бы ему еще многое порассказал, не дали мне до конца расписать прелести магазина «Всё для женщин».

Между прочим, я потом сходил на эту улицу Веснина. Папа оказался прав: там был хозяйственный магазин, и это вызвало у меня большое разочарование.

На всякий случай я вошел в лавку и... почему-то купил там тюбик синей краски и кисть. Я бы не стал покупать, но в лавке никого не было, а продавец, сухонький зловредный старик, вцепился в меня хваткой бульдога и навязал.

Я думаю, он в этой лавке работал еще до революции, а в то время, как известно, была конкурентная борьба, вот он и научился всучивать. А я без привычки растерялся: ухлопал ни за что ни про что еще один рубль из папиной десятки.

Чтобы как-то успокоиться, я решил пустить краску в дело. Пришел домой

и выкрасил свою кровать в синий цвет. Получилось красиво. А то кровать старая, облупившаяся.

Правда, когда я закончил красить, мною овладело легкое сомнение, что моя работа может не понравиться маме. Она вполне могла придаться к тому, что синих кроватей не бывает. А почему, ответьте мне, почему не может быть синей кровати?

Мы встретились с мамой вечером. Нет, она меня не ругала, а просто отвесила хороший подзатыльник.

Не знаю, зачем применять в наше время такие забытые средневековые методы воздействия. Можно придумать что-нибудь пострашнее. Например, не подзывать к телефону, когда звонит Сашка, или выключать телевизор на самом интересном месте.

Рука у мамы тяжелая, она преподаватель физкультуры, гимнастка, после ее подзатыльников у меня голова по два часа гудит. Я проверял по часам. Как после посещения воздушного парада: ты уже дома, и тишина, и самолеты не летают, а в голове гул.

Тут, к счастью, зазвонил телефон.

Мама сняла трубку. Это звонила тетя Оля.

— Приезжай, полюбуйся, что наделал твой любимец! — кричала мама. — Он выкрасил кровать в синий цвет. Может быть, ты теперь скажешь, что у него тяга к живописи! «Не ограничивайте мальчика в фантазии (это она повторяла слова тети Оли, передразнивая ее), дайте ему простор».

Мама повесила трубку и посмотрела на меня. Она действительно была расстроена. С ума сойти, из-за какой-то кровати она готова была заплакать.

— Ну чего ты? — сказал я. — Из-за кровати...

— Да нет, — ответила она, — из-за тебя. Растешь балбесом.

— Я обязательно исправлюсь, — сказал я. — Честное слово. Вот увидишь.

Мама безнадежно махнула рукой.

Эта безнадежность сильно меня огорчила. Я почти целый день об этом думал, но потом забыл. Московская суета!

...Как-то мы тащились с Сашкой в школу из последних сил. И вдруг нас нагнала незнакомая девчонка.

Она улыбнулась нам, как старым знакомым, и сказала:

— Здравствуйте, мальчики. Не узнаете? Я Настя Монахова.

А я ее действительно не узнал, и Сашка тоже не узнал. Она училась с нами

до четвертого класса, а потом на год уехала. Я внимательно посмотрел на нее. Она была Настя Монахова, но какая-то новая.

А мы только перед этим решили пропустить первых два урока и придумали, что согрем, будто одинокой старушке стало плохо на улице и нам пришлось отводить ее домой. Мы даже записку написали от имени этой одинокой старушки и, чтобы наш почерк не узнали, писали в две руки: букву — я, букву — Сашка.

Это все я придумал, потому что такой случай был в моей жизни, но произошел он не в будний день, а в воскресенье, и я не смог им воспользоваться.

Правда, эта старушка жила в нашем доме, ее звали Полина Харитоньевна Веселова, но мы с нею раньше не были знакомы. А в тот день, когда я ее спас от почти неминуемой смерти, она пришла к нам с тортом на чаепитие и долго объясняла маме, какой я замечательный мальчик. Ну, и теперь мы написали записку ее словами, теми, которые она говорила про меня маме.

Я еще раз внимательно посмотрел на Настю Монахову и догадался, что меня в ней поразило: из мелюзги, замарашки она превратилась в настоящую красави-

цу. Вот что происходит с людьми, когда они долго отсутствуют!

И тут мне почему-то расхотелось пропускать уроки. И Сашке, видно, тоже, потому что он шел рядом с прекрасной Монаховой и помалкивал.

— А ты, Саша, по-прежнему учишься в музыкальной школе? — спросила Настя.

— Он у нас знаменитый флейтист, — ответил я за Сашку.

— Молодец, — сказала Настя. — А ты, Боря, чем увлекаешься?

— Я? Исключительно ничем.

— Ну и неостроумно. В наше-то время ничем не увлекаться!..

— Еще один воспитатель на мою бедную голову! — сказал я.

— Извини, — тихо ответила она. — Я не собиралась тебя воспитывать. Просто сказала то, что подумала. Мне тебя жалко стало.

Вот так она меня пригвоздила. А пока я ей собирался ответить, мы уже вошли в класс, и все ребята с любопытством набросились на Настю и оттеснили нас с Сашкой.

Мы сели за парту, но почему-то оба не спускали глаз с Монаховой.

Она нас просто околдовала. «Но посмотрим, поборемся, не на таких наско-

чила», — подумал я и тут же сделал все наоборот.

Дело в том, что в этот день меня назначили вожатым в первый класс «А». Об этом сообщила Колобок, то есть наша старшая вожатая Нина, которую прозвали Колобком, потому что она толстуха и всегда что-нибудь жует. И представьте, я согласился. Именно из-за нее, из-за Насти.

Вот как все было. Влетает, значит, в класс Нина, дожевывая на ходу пирожок. Она у нас такая восторженная-восторженная и говорит всегда торжественно-торжественно, как будто выступает перед толпой.

Однажды, когда я учился в третьем классе, она вцепилась в меня, и не где-нибудь, а на улице, и воспитывала сорок минут.

Сашка в это время стоял в сторонке и ел мороженое. Ему в ожидании пришлось съесть три порции.

Чтобы отделаться от нее, я начал икать. Это очень хороший, испытанный способ. Она тебе слово, а ты в ответ «ик». Она сказала, чтобы я перестал. А я в ответ снова «ик». А потом Нина узнала, что это мой способ отделяться, когда воспитывают, и невзлюбила меня. И вот когда теперь она мне заявила:

«А я по твою душу, Збандуто», — у меня все внутри похолодело от предчувствия беды.

— Что это вдруг? — удивился я. — Вроде еще ничего не случилось.

— Случилось. — Нина загадочно улыбнулась.

Настя повернулась в нашу сторону: это был немаловажный момент.

— Интересно, — тут же стремительно вступил в игру Сашка.

— Ребята, минуту внимания! — сказала Нина. — Во-первых, поздравляю вас с новым учебным годом!

— Уря-а-а! — закричал кто-то тоненьким голосом.

Я воспользовался тем, что Нина отвернулась, подмигнул Насте и сполз под парту.

— А во-вторых... — сказала Нина торжественным голосом.

После этого наступила тишина. Видно, Нина повернулась лицом к нашей парте, а меня нет, а я тют-тют! Сидел себе и похихикивал.

— А где Збандуто? — спросила Нина.

— Не знаю, — ответил Сашка. — Только что был тут.

В этот момент на меня напал чих. Я зажал рукой нос, сморщился и чихнул про себя, но не рассчитал и трес-

нулся головой о парту. Гул пошел по всему классу. Ясно было, что теперь меня обнаружат.

И действительно, я увидел, что Нина лезет под парту. Я закрыл глаза и откинул голову на скамейку.

— Что с тобой, Збандуто? — участливо спросила Нина.

— Он сомлел, — сказал Сашка. — Здесь душно. Отвык за лето от школьной обстановки.

— Воды, — приказала Нина.

Я слышал, как кто-то услужливо побежал за водой и вернулся обратно. Потом этот кто-то приподнял мою голову и нахально ливанул полграфина воды мне за шиворот.

Тут я вскочил. Ну конечно, передо мной стоял Сашка. В руках у него был графин с водой. Он был очень доволен, потому что вызвал всеобщее веселье. Даже Настя хохотала. По-моему, он унизил меня ради нее. Я бы на его месте так не поступил.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросила Нина участливо. — Получше?

— Ничего, — сказал я. — Только зачем же лить воду за шиворот? Разве нельзя было просто побрызгать в лицо?

— Хорошо, — сказала Нина, — в следующий раз.

Она надо мной издевалась.

— А теперь, ребята, я вам сообщу новость, — снова торжественно начала Нина. — Совет дружины назначил одного из вас вожатым в первый класс «А». — Она повернулась ко мне и объявила: — Бориса Збандуто.

И тут почему-то поднялся невообразимый шум. Все начали смеяться, а больше всех — мой друг Сашка. Каждый острил как мог, нарочно перевирая мою фамилию.

— Донато! Ха-ха-ха! — закричал Сашка. — Он научит их получать двойки.

— Бандито! Плакали деревья в школьном дворе!

— Надувато! Научи их лупить девочек!

— Бить окна!..

— Играть в расшибалочку!..

Все ребята хохотали, и я тоже не отставал от них. Действительно, какой из меня вожатый!

— Ну, хватит. Посмеялись — и хватит! — серьезно сказала Нина. — Согласен, Збандуто?

— Нет, — ответил я. — У меня профессиональная негодность. Я от волнения заи... заи... заикаюсь.

Ребята снова засмеялись.

— То ты икаешь, — сказала Нина, — то ты заикаешься. Довольно валять дурака. Говори, согласен или нет?

— А что я буду с ними делать? — спросил я.

— Подготовишь в октябрюта, — ответила Нина.

— Будешь их сажать на горшки и вытирать носы! — выкрикнул Сашка и посмотрел в спину Насти.

Он явно хотел ей угодить. И тут она оглянулась и сказала те самые слова, которые и втянули меня в эту историю. Потом-то оказалось, что она просто пошутила.

— Что здесь смешного? — сказала она. — Это ведь серьезное дело.

На секунду наши глаза встретились, и я вдруг, к своему величайшему удивлению, услышал собственный голос, который произнес:

— Я согласен.

— Несчастный Надувато, мне тебя жаль! — Сашка корчился от смеха.

— Может, помолчишь? — спросил я. — А?

— Ну, вот и хорошо, Збандуто, — сказала Нина. — Мы знаем твои слабости, но доверяем. А ты должен оправдать это доверие.

— Можете на меня положиться, — громко ответил я и победно оглядел притихший класс.

— Подумай, о чем ты будешь говорить с ними на первом сборе. Для этого нужна какая-то находка, — предупредила Нина.

По дороге домой я думал о первоклассниках. Мы с ними понаделаем дел. Можно, к примеру, перейти на ускоренное обучение: за год — три класса. Вот будет пожар! Все обалдеют. Может быть, моим методом сможет воспользоваться наша школа или даже вся страна. А можно еще организовать для них учение во время сна. Они будут ночью спать и учиться, а днем гулять. Чем не жизнь?.. Идеи так и роились в моей голове.

Пусть теперь Н. Монахова скажет, что я ничем не увлекаюсь. Воспитать современного человека, подготовить его для жизни в двадцать первом веке — это поважнее, чем пиццать на флейте.

И тут меня осенило: надо для первой встречи произнести речь. Это будет та самая «находка», о которой говорила Нина.

Я вытащил на ходу из портфеля тетрадь и, остановившись, быстро написал: «Дорогие ребята, пионерская организация...» Дальше у меня почему-то не по-

шло, хотя сама находка показалась мне блестящей. И, не в силах сдержать радость, я побежал домой, чтобы рассказать обо всем маме.

Дверь мне открыла Полина Харитоньевна. С тех пор как я ее спас от неминуемой смерти, она зачастила к нам: пьет с нами чай или обедает. Ей нравилось, что из наших окон хорошо видно, кто куда пошел, кто что понес, кто как одет. Мама ее жалела и говорила, что в ней, в Полине Харитоньевне, сильны пережитки прошлого, что она из буржуазной среды. Конечно, ей ведь восемьдесят лет.

Вид у Полины Харитоньевны был испуганный, особенно в этом странном салопе, который она натянула на себя. А в тот момент, когда она открыла дверь, меня как раз снова посетило вдохновение, и я выпалил ей прямо в лицо продолжение своей речи.

— «Дорогие ребята! — крикнул я торжественно-торжественно. Я теперь начинал понимать Нину. — Пионерская организация, известная своим благородством...»

— Что-нибудь случилось? — спросила Полина Харитоньевна, отступая.

— Случилось, — ответил я.

— Что? — Полина Харитоньевна всего боялась.

— Меня назначили вожатым! — крикнул я и пролетел мимо нее в комнату, чтобы записать продолжение речи.

Она вошла следом за мной:

— Вожатым? Тебя?

Я вырвал листок из тетради и быстро стал записывать речь.

— В первый класс «А», — ответил я.

— Ну, что ж, Бока, теперь ты должен будешь показывать пример другим.

— Не называйте меня больше Боккой, — попросил я, — я уже не маленький.

— Хорошо, — согласилась Полина Харитоньевна. — Может быть, пообедаешь?

— Нет, — твердо ответил я, — я буду сочинять речь... и развивать силу воли. Волевой человек может добиться чего угодно.

Я склонился к столу, потому что почувствовал, что меня опять осенило.

В это время хлопнула входная дверь. Пришла мама. Я выскочил ей навстречу.

— Мама! — закричал я. — У меня хорошая новость!

— Тише, тише, не кричи так, — попросила она.

— Меня назначили вожатым в первый класс, — с ходу перешел я на шепот.

Мама скептически поджала губы. До чего же все-таки взрослые скучный народ! Я думал, она закачается или хотя бы улыбнется. Ну ничего, когда она узнает, какие я задумал дела, поверит в меня.

— Только не называй меня больше Боккой, — предупредил я и удалился в свою комнату.

Речь была написана, и теперь, нежно разглаживая эту драгоценную бумагу, я учил ее наизусть.

— «Дорогие ребята! Пионерская организация, известная своими славными делами, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам...»

Я перестал читать, подкрался к двери и приложил ухо к замочной скважине, чтобы послушать, что обо мне говорят мама и Полина Харитоньевна.

— Неужели исправится? — долетел до меня голос мамы. — Неужели возьмется за ум?

— А что вы думаете, — ответила Полина Харитоньевна, — обещал развивать силу воли.

— Боже мой! — вздохнула мама. — Чего он только не обещал развивать: и силу воли, и память, и внимательность, и не лгать, и не драться, и, наконец, помогать мне!

Я решил напомнить о себе и прокричал в замочную скважину:

— «Чтобы я закалил вас и подготовил нам достойную смену...» — На слове «смена» у меня сорвался голос, и получилось не очень красиво.

Тем не менее я прильнул глазом к скважине: Полина Харитоньевна и мама были передо мной как на ладони. Представьте, они с аппетитом обедали, пока я страдал на благо общества. Я с возмущением открыл дверь.

— А, Бока, — сказала мама. — Может быть, все же пообедаешь?

— Опять «Бока»! — возмутился я. — Это, наконец, надоело.

Но за стол я сел. От этой речи я здорово проголодался.

После обеда я вновь вернулся к своей работе. Пробежал речь глазами и остался доволен. Вот только нет в ней упоминания о мужестве. Вставил в нескольких местах слово «мужество».

— Борька! — крикнул кто-то за окном. — Збандуто!

Я узнал Сашкин голос.

«А-а-а, притащился! — подумал я. — Ну покричи-покричи. Только теперь мне не до тебя. Я занят серьезным делом, это тебе не этюды для флейты».

— «Дорогие ребята! Пионерская организация, известная своим мужеством, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам, мужественным, мужественным...» — продолжал я повторять одно слово, как испорченный проигрыватель, явно выжидая, позовет меня Сашка еще или нет.

Нет, не зовет. Неужели ушел? Предатель! Бросает друга в трудную минуту! Чтобы убедиться, что Сашка действительно предатель, я подошел к окну — мы живем на первом этаже — и открыл его.

Сашка стоял на своем обычном месте.

— Ну, скоро ты? — спросил он.

— Не мешай, — ответил я. — Я занят.

— А как же я? — удивился Сашка. — Что же мне делать в полном одиночестве?

— Действительно, — я посмотрел на его постную физиономию, — а как же ты? — и, не раздумывая, полез в окно.

От сквозняка совсем некстати широко распахнулась дверь, и мама с Полиной Харитоньевной увидели меня сидящим верхом на подоконнике.

— Ты куда? — закричала мама. — А как же твоя речь?

— Ничего, — ответил я, — даже министры читают свои речи по бумаге, — и прыгнул вниз.

Через несколько дней, когда все ребята и я, между прочим, уже забыли, что меня назначили вожатым, в нашем классе появились две маленькие девочки. Все, конечно, тотчас уставились на них. Это ведь необычное событие.

А я в это время стоял на голове на спор с Сашкой. Стоял, поглядывал на Настю и болтал ногами. На этот раз победителем выходил я. Сашка отстоял до ста, а я пошел на вторую сотню. Между прочим, это полезно. Только учителя этого не понимают. Говорят — хулиганство. А как же йоги?

Да, наша дружба с Сашкой из-за Насти зашла в тупик. С ним творится что-то невозможное. Он преследует меня днем и ночью (во сне).

Сегодня мне приснилось, что он, Сашка, уже генерал и Настя выходит за него замуж. Я проснулся в холодном поту.

Каждый раз, когда я обращаюсь к Насте, его вечно розовое лицо с двумя спелыми помидорами вместо щек делается бледным, как у мертвеца. Насколько я понимаю, это ревность. Хорошо, что он

мне приснился с нормальным лицом, а то я закричал бы и разбудил маму. Я всегда кричу, когда мне снится что-нибудь страшное.

Чем это все кончится, не знаю. Из-за ревности и не такие люди погибали. Говорят, раньше многие из-за этого пускали пулю в лоб или сердце. Надеюсь, Сашка не последует этому глупому примеру. Я же изо всех сил старался облегчить его страдания. Вчера угостил его двумя стаканами сока на выбор, истратив еще шестьдесят копеек из бывшей десятки. Причем сам я выпил стакан чистой газированной воды за копейку!

— Чего вам надобно, крошки? — спросил Сашка.

— Нам нужен Боря З... — Девочка покраснела, ей трудно было выговорить мою фамилию.

А вторая ей помогла:

— Занудо...

Все только этого и ждали и сразу засмеялись.

Я догадался, что это девчонки из первого «А», вскочил на ноги и стал незаметно вытеснять их из класса.

— Это я и есть. Только я не Занудо, а Скандуто, — переврал я свою фамилию.

— Извините, — сказали девчонки в два голоса. — Мы из первого «А». Вы наш вожатый. Мы вас ждем уже неделю.

К нам подскочил Сашка, загородил меня от девчонок и крикнул:

— Бегите, детки, он вас съест. Он Серый Волк! — Он дернул одну из них за косу.

Все стали хохотать еще больше.

Я подумал, что Сашка их сейчас доконает и они убегут, но тут вмешалась Настя и всю игру спутала.

— Перестаньте, — сказала она. — Борис, что же ты?

И действительно, мне стало стыдно. Что это я? Ведь я сам не люблю, когда над другими издеваются.

— Послушай, Красная Шапочка... — многозначительно произнес я. — Мы же разговариваем, — отстранил Сашку рукой и сказал: — Я приду к вам. Сегодня. После уроков. Будет сбор. Я уже речь написал.

Вот так-то. Знай наших!

После уроков я заметил, что Сашка необычно быстро собирает портфель. Его поспешность мне была ясна, я видел, куда он косит глаза.

В это время Настя вышла из класса. Я выскочил следом за ней.

— Привет! — крикнул на ходу Сашка, обгоняя меня в коридоре.

Встретились мы на первом этаже около библиотеки.

Когда он увидел меня, то прикинулся, что ничего не видит, и хотел пройти мимо. А я, видно тоже от смущения, подставил ему ножку, и он растянулся во весь рост.

— Ты что, — взревел он, вскакивая, — обалдел? — и трахнул меня портфелем.

Я в ответ тоже. В результате у нас вышла настоящая современная дуэль. Из-за женщины, потому что каждому из нас было ясно, чего мы здесь околачиваемся.

А тут появилась и сама виновница нашего поединка. Она вышла из библиотеки.

— Чего это вы деретесь? — спросила Настя. — А еще друзья!

— У нас дружеская драка, — сказал Сашка, зло поглядывая на меня.

— Разминка после уроков, — поддержал я.

А в следующий момент произошло нечто неожиданное: в одном из классов открылась дверь, в нее просунулась голова какого-то малыша, который, увидя меня, издал оглушительный, победный клич:

— Ребята! Боря при-ше-о-ол!

Стремительно, как будто их выпустили из катапульты, из класса вылетела толпа детей и дикой ордой устремилась на меня. Они смотрели на меня с немым восхищением, как на бегемота в зоопарке.

Через секунду Настя и Сашка оказались оттесненными в дальний угол.

Я криво улыбнулся. Я совсем забыл, что обещал к ним прийти, и смущенно сказал:

— Давайте пойдем в класс. Там мы будем в своей тарелке.

— Пошли в свою тарелку! — крикнул какой-то находчивый малыш.

— Пошли! Пошли! — загалдели остальные.

В классе ребята уселись за парты и притихли.

На доске большими печатными буквами было выведено: «БОРЕ УРА!»

— Ну, это уж слишком, — сказал я и стер надпись.

Откашлялся, дрожащими руками разгладил на учительском столе листок с речью и начал:

— «Дорогие ребята! — Голос у меня был странный, дребезжал, как старый репродуктор: — Пионерская... организация... всем известная...»

Я легкомысленно оторвал руку, придерживавшую листок, а легкий ветерок, ворвавшись в открытую форточку, взметнул мою драгоценнейшую речь, унес с учительского стола и уронил на пол.

Я проследил за нею тупым взглядом, но поднять не решился.

— «Пионерская организация, всем известная...» — начал я наизусть и замолчал. Слова окончательно вылетели у меня из головы.

Мальчишка с первой парты догадливый оказался: поднял листок и положил передо мной на стол. А я, как заправский телевизионный диктор, который читает текст по бумажке, но делает вид, что совсем не читает, скосив глаза, быстро прочел:

— «Пионерская организация, всем известная... — На секунду поднял голову, криво усмехнулся: «Повторенье — мать ученья», и продолжал: — ...своим мужеством, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам, чтобы я вас закалил и подготовил нам достойную, мужественную смену...» — Я умолк окончательно.

— Ура-а-а! — закричал мальчишка с последней парты.

— Не надо, — сказал я.

Стало тихо и неизвестно, что делать дальше. Первоклашки преданно смотрели на меня.

— Ну, давайте познакомимся, — упавшим голосом сказал я.

На первой парте сидели девочки, которые приходили ко мне.

— Тебя как зовут? — спросил я одну из них.

— Стрельцова, — ответила она, вставая.

— Фамилий не надо, — предложил я. — По фамилиям скучно. Давайте только имена.

— Зина, — сказала Стрельцова и села.

— А меня Наташа, — сказала ее соседка.

У этой Наташи были круглые глаза, как пятаки, и эти пятаки не отрываясь следили за мной.

— У нас две Наташи! И обе дуры! — выкрикнул какой-то острослов с последней парты.

Мальчишки засмеялись, а Наташа хлопала своими пятаками. Видно, собираясь разреветься.

Я направился к этому острослову. Я угрожающе приближался к нему.

В классе стало тихо.

— Тебя как зовут? — спросил я.

— Генка, — ответил он.

— А сколько у вас Генок?

— Трое.

— Надеюсь, не все такие умные?

Ребята засмеялись, и остролов Генка тоже. А Наташа устала на меня свои пятаки и сказала:

— Нет, только этот... Костиков.

— Значит, ты Генка Костиков? — Я немного повеселел и спросил соседнего мальчишку: — А ты?

Мальчишка встал и, сильно смущаясь и краснея, прошептал что-то неразборчиво.

— Громче, — попросил я.

— Толя! — вместо него выкрикнул Генка. — Он у нас трус. Как девчонка.

— Тихо, тихо, — сказал я. — Храбрость дело наживное. Садись, Толя. — И повернулся к классу: — Продолжим знакомство...

И тут со всех сторон защелкало, как горох:

— Лена!

— Лена!

— Гена!

— Саша!

Они вскакивали и садились, как оловянные солдатики.

— Сима!

— Коля!

— Леша!

— Шура!

Сначала я пытался запомнить имена ребят и их лица, даже пальцы загибал, но вскоре понял всю тщетность этой затеи.

У меня от них голова пошла кругом. Они были ужасно одинаковые, эти первоклашки. Все в форме. Все с белыми воротничками. Девочки — с косичками. Мальчишки — с челками. Да еще одно имя на двоих или троих.

— Довольно! — решительно прервал я этот поток имен. — На первый раз достаточно. Хватит!

Отошел к окну, чтобы сосредоточиться, и увидел, как Настя и Сашка пересекали школьный двор. Они шли рядом, и Сашка все время хохотал. Вероятно, рассказывал что-нибудь смешное про меня. Это его излюбленный прием.

Надо было отделаться от первоклашек и догнать их.

— Вот что, ребята, — сказал я, — мы пойдем с вами в автоматическую фотографию. Там вы сфотографируетесь, тогда я вас по фотографиям и запомню.

Малыши завывали от восторга. Ужас, до чего они были восторженные!

— А сейчас мы возьмем портфели и ранцы и дружно побежим домой. Только бегом до самого дома! Понятно?

Они, конечно, не поняли, что я просто решил сбежать от них, зашумели и дружно стали расхватывать свои портфели.

— Приготовились! — скомандовал я, делая незаметно шаг к двери, чтобы выскочить первым. — За мной!

Я сделал стремительный рывок, сильно толкнул дверь и на легких парусах покинул коридор первоклашек.

А они, эти несчастные, неумелые дети, рванули к дверям все одновременно. Ну, конечно, застряли, и получилась классическая пробка.

Ловко я от них отделался. Хотя, если совсем честно, мне было немного не по себе. Неинтересно их обманывать, они всему верят. Я представил себе, как они придут домой и будут рассказывать про меня и про то, что я собираюсь их вести в автоматическую фотографию... А я-то совсем не собирался.

Нет, пожалуй, надо. Свожу их в фотографию, раз обещал. Это было последнее, что я подумал о первоклассниках, ибо я увидел впереди Настю, и она застила для меня весь мир.

Где-то рядом с ней, в полутумане, прыгал и корчился Сашка.

...Мы играли в футбол. Шестой «В» на шестой «А». Я стоял в воротах, а Сашка был в нападении. Это была

принципиальная игра, но дело не только в этом. Среди зрителей сидела Настя. Понимаете?

И вдруг слышу чей-то писклявенький зовущий голосок:

— Бо-ря!

Скосил глаза. О боже, возле меня появилось милое видение: та самая первоклашка, у которой глаза, как пятаки!

Я сделал вид, что не слышу. Нечего сказать, нашла подходящее время для задушевной беседы!

Она снова окликнула меня:

— Бо-ря!

Я оглянулся, посмотрел на нее с диким удивлением, точно вижу впервые:

— Ты меня?

Она кивнула, представьте!

Я снова отвернулся. А она не уходит и говорит мне в спину:

— Я Наташа Морозова из первого «А».

— Ну и что? — спросил я.

— Там собака, — ответила она. — Я боюсь, а мне надо домой.

— Ты же видишь, я занят, — возмутился я.

— А я думала, — сказала девчонка, — ты меня проводишь.

От этих ее слов я чуть не упал, даже перестал следить за игрой и едва поймал мяч.

Нет, вы видели? У всех ребят детство — лучшая беззаботная пора жизни, а у меня каторга! В футбол не дают поиграть. Нет-нет, нет, меня на жалость не возьмешь! Я не буду жалостливым. Она испугалась собаки! Подумаешь! И если даже та ее немного покусает, ничего страшного.

Через пять минут мне стало ясно: она без меня никуда не уйдет.

В общем, я вынужден был попросить замену.

Не оглядываясь, я побежал к школьным воротам. За мной, еле поспевая, бежала Наташка.

Ну, уж тут я высказался. Я ее пригвоздил, растер в порошок! Я сказал ей:

— Если ты боишься, пусть тебя мамочка встречает. Или папаша. Я в няньки не нанимался.

— У меня папа в Африку уехал, — ответила Наташка.

— Куда-куда?

— В Африку.

— А ты хоть знаешь, где находится Африка? — спросил я.

— Конечно! — Она рассмеялась: — Я даже стихи про Африку знаю. «В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы...»

— И все? Больше ты ничего не знаешь про Африку? Ну, и нечего врать.

Она вдруг остановилась:

— Я никогда не вру.

— Совсем? — выскочило у меня.

— Совсем, — ответила Наташка. — Я не умею.

— Не горюй! — Я похлопал ее по спине. — Этому я тебя научу.

— Зачем? — спросила Наташка, и ее глаза-пятаки превратились в воздушные шары.

Я засмеялся, не зная, что ответить. Действительно, глупо получилось.

— Я пошутил. Я сам никогда не вру, — сказал я.

И тут меня затрясло от смеха, потому что мы подошли к школьным воротам, а там прыгала привязанная на ремешке к изгороди собачонка на тонких ножках, с оттопыренными ушами.

— И ты ее испугалась? — возмутился я.

Протянул руку, чтобы погладить собачонку, но она неожиданно оцетинилась, зло залаяла и рванула поводок. Я еле успел отскочить.

— Вот видишь! — сказала Наташка. — Она кусается. — Взяла меня за руку и крепко прижалась.

— Ну ладно, африканка, — сказал я, — до свиданья.

— Спасибо! — крикнула девочка.

Я посмотрел ей в спину. До чего смешная! Ноги — как у африканского страусенка.

В это время подошел хозяин собачонки и стал отвязывать ее от изгороди.

— Между прочим, — сказал я громко, — здесь ходят маленькие дети.

— Учтем, — ответил хозяин собачонки.

Подошел троллейбус, Наташка села в него. Водитель поторопился закрыть двери, и ее портфель прищемило.

Я бросился на выручку: застучал кулаком по двери. Водитель снова открыл двери, и портфель плюхнулся на тротуар.

Я подхватил портфель, впрыгнул в троллейбус и позвал:

— Наташка, ты где?

— Я здесь, — ответила Наташка.

Водитель закрыл двери, и троллейбус тронулся.

— Все из-за тебя! — угрожающе прошипел я и сунул ей портфель.

Вскоре троллейбус остановился, я сошел, и она тоже сошла.

— А ты чего? — удивился я.

— Здесь мой дом, — сказала она.